

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: МОТИВАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Ермаков Юрий Александрович,
доктор филос. наук, проф. каф. социально-политических наук,
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
E-mail: Jury.Ermakov@urfu.ru*

*Арчаков Михаил Константинович,
Канд. историч. наук, доцент каф. всеобщей истории, философии и
культурологи, Благовещенский
государственный педагогический Университет,
г. Благовещенск
E-mail: vostok731@yandex.ru*

SOCIAL HATE: THE FEATURES OF MODERN EXTREMIST

*Ermakov Uriy Alexandrovich,
doctor of philosophy, professor of the department
of social-political sciences,
Ural Federal University,
Ekaterinburg*

*Archakov Michail Konstantinovich,
candidate of history, docent,
Blagoveschenskay State University,
Blagoveschensk*

АННОТАЦИЯ

В докладе раскрываются некоторые особенности личности политического экстремиста. Показано, что испытывая глубокие психологические коллизии, экстремисты очень часто переносят их во внешний мир, проектируя дестабилизацию общественно-политической жизни отдельных стран и регионов. И вносят конфликты и вражду во взаимоотношения государственной власти с населением.

ABSTRACT

The article presents some specific characteristics of political extremist's personality. The authors present that having deep psychological clashes extremists very often transfer it

to the external world and design the destabilization of social and political life of separate countries and regions. As a result they provoke the conflicts and hostility in the relationships between state power and the people.

Ключевые слова: агрессия, парохильность, ксенофобия, нарциссизм, некрофилия.

Keywords: aggression, parohialnost, xenophobia, narcissism, necrophilia.

Для различных политических, религиозных и националистических сил политический экстремизм превратился сегодня в широко применяемый способ силового решения острых общественных проблем и коллизий. Практикуемый в вызывающе конфликтной форме, он представляет собой серьёзную угрозу для стабильности не только отдельных регионов и стран, включая Россию, но и для всего мирового сообщества. Вот почему важное значение для понимания этого явления приобретает всестороннее изучение духовно-психологических особенностей лиц, склонных к участию в экстремистской деятельности.

Одним из ключевых факторов для исследования личностных особенностей современных экстремистов является феномен человеческой агрессии. В повседневной жизни понятие «агрессия» означает «открытую неприязнь, вызывающую враждебность» [7, с. 16]. Кроме этих чувств, слово «агрессия» сопряжено и с множеством разнообразных действий, которые нарушают физическую или психическую целостность другого человека (группы людей), наносят ему материальный или духовный ущерб, препятствуют осуществлению его намерений и даже ведут к его уничтожению. Такого рода антисоциальная окрашенность агрессии заставляет относить к ней самые различные явления, будь то война или детская драка, пощёлки, клевета и убийства, издевательства, самосуд или бандитское нападение.

Очень часто агрессия является реакцией враждебности на созданную другими фрустрацию (препятствие на пути к цели, ущерб интересам субъекта) независимо от того, была ли, в свою очередь, эта фрустрация обусловлена враждебными намерениями или нет. В то же время достаточно распространены и такие случаи агрессии, которые не являются реакцией на фрустрацию, а возникают спонтанно,

«самопроизвольно», из желания воспрепятствовать, навредить кому-либо, обойтись с кем-либо несправедливо, унизить или оскорбить. Иными словами, понятие агрессии применимо к оценке широкого спектра человеческих взаимоотношений, включая не только межличностное взаимодействие, но и конфликты, борьбу этносов, государств и народов.

Необходимо вспомнить, что современная этология развела научный термин и бытовое понимание агрессии. В обиходе словом агрессия мы обозначаем какие-либо нападки и, как правило, неоправданные, несправедливые. И в этологии – науке об инстинктивном поведении животных и человека – термин агрессивность также имеет в виду злость, ярость, ненависть. Однако – и это очень важно – он эмоционально никак не окрашен – ни позитивно, ни негативно. Такое понимание агрессии раскрыл, в частности, в своей великой книге «Злоба: естественная история агрессивного поведения» (Вена, 1963) лауреат Нобелевской премии К. Лоренц. Он описал её как важный инстинкт выживания, сформированный естественным отбором и эволюцией в животном мире. При этом не всякое нападение зверей или людей друг на друга этологи называют агрессией. Когда леопард преследует антилопу или волк ловит зайца – это не агрессия, а охота. Также нет агрессивности в поведении охотника, стреляющего уток, или рыбака, вылавливающего рыбу. Они ведь не испытывают к своим жертвам гнева, ненависти, неприязни и даже страха. Агрессивное же поведение порождается эмоциями. Когда собака, охраняющая двор, бросается на незнакомого человека – это агрессия. И когда он пытается в ответ ударить животное палкой – это тоже проявление агрессии, так как они угрожают и боятся друг друга. Как правило, агрессия порождается страхом, и они взаимозависимы: агрессия сопровождается чувством страха, а страх легко перерастает в агрессию. Подчеркнем, что агрессивнотрусливое состояние – наиболее опасное, особенно тогда, когда на группу животных или на толпу людей нагоняется страх, порождающий, в свою очередь, их ответные нападения, зверства и разрушения.

Очень важно, что ранее психологическая наука считала, будто агрессия вызывается исключительно внешними причинами, и если их убрать, то она проявляться не будет. Однако этологи и зоопсихологи показали, что агрессия у животных и человека является сильнейшим инстинктом выживания и поэтому

возникает изнутри их психики и постоянно накапливается. Подчас достаточно малейшего повода в виде раздражения или даже подозрений относительно намерений незнакомца, чтобы агрессивность выплеснулась наружу. Вот почему в повседневной жизни наша агрессивность вырывается и разряжается через массу незначительных стычек, семейных ссор, соседских свар, конфликтов с другими людьми.

Конечно, зная природу агрессии, законы её проявления, человек может научиться ею управлять. Однако устранить из своей жизни он её не в состоянии, поскольку агрессия сформирована в виде спектра биологических программ поведения миллионами лет межвидового и внутривидового отбора. Этот неутешительный вывод, однако, можно дополнить тем, что проблемы человека рождены не его высокой агрессивностью, но её недостаточной культурной и моральной оснащённостью.

К тому же у человека, как и у других приматов, присутствуют в предковых программах поведения инстинктивные запреты – то, что этологи вслед за Лоренцем называют «естественной, врожденной моралью» [5, с. 41-42]. Так, многие из животных, следуя этим, сформированным эволюцией запретам, повышающим эффективность их выживания и размножения («репродуктивный успех») следуют, к примеру, правилам – не трогать детёнышей, не покушаться на чужое гнездо, не нападать сзади, не отнимать пищу, не воровать и т.д. Это не значит, что такая общебиологическая мораль животными не нарушается, т.к. они «знают» и как убить, украсть, напасть на слабого и т.п. Однако всё-таки у них существуют биологические программы регуляции внутривидовой агрессии, принуждающие, например, «не бить лежачего», т.е. соперника из своего вида, принявшего «позу покорности», без нужды не захватывать чужую территорию, не нападать внезапно на своих соплеменников, не трогать чужую самку и т.д. Причем чем мощнее «вооружено» острыми шипами, ядом, когтями, физической силой и т.п. животное, тем крепче у него «мораль» в виде запретов, поскольку их нарушение чревато уничтожением его вида и рода.

Человек также изначально рождается не «*tabula rasa*», но с набором инстинктивных запретов, которые впоследствии развивает и закрепляет у него религия и культура. Однако эти ограничения он постоянно нарушает, поскольку, в отличие от льва, змеи или медведя, является достаточно слабым «разумным животным» с неразвитой физической мощью и отсутствием «летального вооружения». Поэтому в

борьбе за своё выживание он вынужден нередко изощрённо и подло убивать, грабить, воровать, отнимать пищу и т.п. Вот почему его повышенная агрессивность, компенсирующая недостаток природной силы, может носить деструктивный, разрушительный характер. Не случайно Э. Фромм очень ясно различает два вида агрессии, присущие человеку: «Я употребляю слово «агрессия» в отношении поведения, связанного с самообороной, с ответной реакцией на угрозу, и, в конечном счёте, пришел к понятию доброкачественной агрессии. А специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать я выделяю в особую группу и называю словами «деструктивность» и «жестокость»» [8, с. 18].

Доброкачественную агрессию Э. Фромм связывает, в частности, с глобальным устремлением всего живого к росту и развитию – как в биологическом, так и в психологическом смысле. У человека этот всеобщий закон проявляется, в частности, как стремление к свободе и неприятие подчинения, поскольку свобода является одним из важнейших условий его развития. Однако целенаправленное стремление к свободе может быть подавлено, вытеснено из сознания человека конкретным общественным устройством, политическим режимом, крайней степенью его бедности, несправедливости и угнетённости. Но и в этом случае – утверждает Э. Фромм, – стремление к свободе, росту и развитию никуда не исчезает, оно лишь заявляет о себе противоположным образом – сознательной ненавистью и неприятием, подчас подсознательным, такого подавления [9, с. 368].

Между тем, будучи эволюционным феноменом, агрессия, и «доброкачественная», и «злокачественная», сопровождает историю человечества вплоть до сегодняшнего дня. Впрочем, оба различных вида агрессии существуют, как правило, в сочленении, в паре, поскольку ответом на нападки, на спонтанные проявления враждебности и неприязни («злокачественная агрессия») выступает самооборона как ответная реакция на эту непримиримость («доброкачественная агрессия»). Вывод об органическом единстве двух видов агрессии подтверждается и биологами, исследующими в животном мире межгрупповую конкуренцию, с одной стороны, и кооперацию, приводящую различные виды животных к общественному образу жизни, с другой. Так, ученые сделали вывод о том, что «острая межгрупповая

конкуренция... обычно коррелирует с высокоразвитой внутригрупповой кооперацией» [5, с. 347]. Иными словами, межгрупповая и межвидовая вражда способствует внутригрупповому сотрудничеству, повышающему оборонительные возможности и выживаемость той или иной общности животных. Что же касается эволюции Homo сапиенс, то «... такие, казалось бы, противоположные свойства человека, как доброта и воинственность развивались в едином комплексе: ни та, ни другая из этих черт по отдельности не способствовала бы репродуктивному успеху их обладателей» [6, с. 353].

Если опираться на эти положения антропологии, то вполне убедительным может быть вывод о том, что «злокачественная агрессия» одним из своих эволюционных источников имеет такое важное качество наших предков, как «парохиальность» – альтруистическое поведение, но только «для своих», «для близких», т.е. ограниченное и узкое. При этом с помощью математических моделей психологи и антропологи доказали, что такой альтруизм мог развиваться только в сочетании с ксенофобией – враждебностью и агрессией в отношении к чужакам, к инородцам [6, с. 353].

Конечно, это не означает, что ксенофобия является ключевой детерминантой злокачественной агрессии, поскольку у человека последняя вызывается и целым комплексом других причин – экономических, политических, идеологических. Однако совершенно очевидно, что в таких явлениях, как расизм, фашизм, национализм, антисемитизм, русофобия и т.п. присутствует открытая неприязнь и враждебность к «чужим» – к «чёрным» (африканцам), «чуркам» (этносам из Центральной Азии), к «украам» (украинцам), «ватникам» и «колорадам» (сепаратистам в Украине), «москалям» (русским) и т.п.

Словом, представитель экстремистской группы и организации уже изначально настроен агрессивно в отношении чужаков как вероятных соперников и противников (врагов), проявляет к ним открытую неприязнь, непримиримость и враждебность. При этом важно подчеркнуть, что, в отличие от обычного человека, у экстремистов присутствует некая «запрограммированность» на проявления агрессии в форме умышленного причинения вреда, нанесения ущерба окружающим. Эта запрограммированность формируется, в первую очередь, под влиянием радикальных идей, политических взглядов, человеконенавистнических идеологических и

религиозных установок. Кроме того, «благодатной почвой» для этих программ являются и психологические особенности личности, такие как нарциссизм, садистско-мазохистский комплекс, некрофильские наклонности индивидов и т.п. Вот почему любая экстремистская группа или организация не только формирует образ конкретного врага, но и содержит напряженный потенциал агрессии, готовый выплеснуться в период обострения каких-либо проблемных и кризисных общественно-политических ситуаций. И принять нередко характер откровенной деструктивности и жесткости. Таким образом, проявление деятельной, «открытой» и избыточной агрессии составляет важную психологическую и поведенческую особенность лиц, склонных к экстремизму.

Следует сказать, что изучение членов экстремистских группировок – дело крайне трудное. Пока они на свободе, они недоступны для всестороннего исследования. Хотя экстремисты и готовы встречаться, но не с учеными и исследователями, а с представителями СМИ, чтобы использовать эти встречи для медийного расширения своего влияния и в целях саморекламы. Посредством СМИ они часто пытаются придать дополнительный общественный вес своим деяниям, сделать их в глазах общественного мнения морально оправданными и легитимными. Поэтому очевидно, что информация о духовно-психологическом облике экстремистов, полученная в результате их встреч с журналистами, вряд ли может считаться объективной.

Вместе с тем, экстремисты вполне доступны для специалистов-психологов, когда их группы обезврежены, а сами они находятся в местах лишения свободы. Однако и здесь остается всё-таки проблема получения полной и достоверной информации, поскольку эти люди могут активно исказить сведения о себе в расчете на снижение срока заключения или на амнистию. Тем не менее, имеющийся о них информационный материал и документы позволяют сделать некоторые выводы о личностных особенностях представителей различных экстремистских сообществ.

Так, члены экстремистских группировок, как правило, дезадаптированы, не приняты конкретным обществом и склонны создавать свои контркультуры. В большинстве своем это люди, которых преследуют неудачи в получении образования, трудоустройстве, карьере, сложности отношений в каких-либо коллективах, в общении

с противоположным полом и т.п. Поэтому во многом именно участие в экстремистских или террористических организациях позволяет им пережить горечь неудач, компенсировать в удовлетворительной форме свою социальную ущербность, а также обрести чувство собственной идентичности в принадлежности к определенной группе.

Кроме того, в этих сообществах люди, как, пожалуй, нигде, чувствуют высокую степень принятия себя другими людьми, солидарность с ними в осуществлении общих целей и программ. Как правило, экстремистские группы замкнуты, и вхождение в них означает признание права других людей на всеобъемлющий контроль за своей жизнью, в том числе личной. Разумеется, для обычного человека такой контроль является жертвой, на которую трудно согласиться. Однако для аутсайдера, которого почти никто, нигде и никогда не принимал как равного, всё это скорее является плюсом, чем минусом. Да к тому же у таких людей появляется «высокий» смысл жизни – будь то торжество своих религиозных и политических идеалов или освобождение от мигрантов, других чуждых им социальных групп, покушающихся на «святое» и т.д. Ну и, конечно, когда благодаря СМИ и Интернету к ним приковано внимание десятков, сотен миллионов людей, у них уже не возникает сомнений в своей значимости, избранности, причастности к влиянию на судьбы соотечественников и даже человечества в целом.

Внутренняя организация и правила жизни экстремистских (террористических) групп в максимальной степени способствуют адаптации в них вчерашних аутсайдеров. Крайний авторитаризм, беспрекословное подчинение руководству, полный контроль всех аспектов жизни членов группы сочетаются с подчеркнутой гуманностью в отношениях к друг другу, с готовностью помочь и поддержать в трудную минуту, с полным и безусловным принятием каждого как соратника в общей судьбе. Как правило, стратегия действий группы обсуждается коллективно, каждый имеет возможность ощущать себя соавтором великих планов и творцом важных социально-политических программ.

Кроме того, например, в террористических группах существует культ погибших товарищей. Поэтому каждый из террористов знает, что если он погибнет, то к его памяти, к его имени и семье будут относиться столь же бережно. Конечно, все эти

нравы и обычаи в экстремистских сообществах являются недостаточными для того, чтобы привлечь в них успешного в обычной жизни и сбалансированного человека. А уж тем более заставить его отказаться от усвоенных с детства норм уважения к человеческой жизни. Однако для человека дезадаптированного и тем более одинокого террористическая группа может оказаться вполне подходящим местом.

Вместе с тем, групповые привязанности оказываются важным психологическим фактором не только для одиночек и неудачников, но и подчас для людей, совершенно уверенных в себе и своих силах. Один из исследователей психологии терроризма И. Тейлор в своей работе «Террорист» приводит результаты изучения двух групп. Одна из них – это неудачники, страдающие комплексом неполноценности, тогда как другая – успешные, уверенные в своих силах люди. Он подчеркивает, что в случае переговоров об освобождении заложников тактика их затягивания может серьезно дезориентировать первую группу (неудачников), вызвать у них разногласия и противоречивые мнения. Тогда как во второй группе – такие расхождения между её членами являются маловероятными [10, с. 26]. Непререкаемая убежденность в правоте и святости своих целей и задач делают действия этих людей наиболее опасными и деструктивными.

Нужно сказать и о том, что общая черта большинства экстремистов – поиск вовне причин и источников их личных проблем. Именно поэтому такие источники становятся объектом их разрушительной агрессии. Как считает один из исследователей терроризма Ю.М. Антонян: «Экстернализация присуща практически всем категориям террористов: политическим, сепаратистским, этнорелигиозным и др. Такая особенность является психологической и идеологической основой для сплачивания террористов и, несомненно, принадлежит к числу ведущих [1, с. 73].

Очевидно, что и для других членов экстремистских сообществ экстернализация, возлагающая ответственность за коллизии их жизни на источники вовне, активно подпитывает их враждебность к представителям иных социальных, национальных и религиозных групп, происки которых и привели якобы к общественным несчастьям и личным неудачам. Кроме того, участники террористических, экстремистских группировок, отмечает Ю.М. Антонян, испытывают «болезненные переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к

недостаточному чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности» [1, с. 73].

К тому же многие представители экстремистских организаций, как лидеры, так и рядовые члены, маскируют свои подсознательные ощущения отчужденности от мира, одиночества и неспособности жить нормальной жизнью – представлением о своих выдающихся личных качествах, превосходстве над другими и даже собственном совершенстве. И эти чувства им сообщает, в первую очередь, членство в единственно «правильной» организации, отстаивающей важные, «истинные» взгляды и ценности.

Таким образом, большую опасность для общества представляет собой групповой нарциссизм экстремистов, обращающий все естественно сложившиеся различия и признаки человеческих групп – расовые, национальные, религиозные, этнические – в их иерархию и соподчинение, в отношения доминирования и подавления одних другими. Благодаря такой авторитарной философии человек преисполняется гордостью и превосходством лишь по той причине, что он принадлежит к «избранной», «исключительной» нации, расе, этносу, религиозной общине, государству-лидеру или политическому сообществу и организации.

К тому же такой нарциссический взгляд на социум сильно обедняет его восприятие, часто заставляет видеть окружающую действительность лишь в черно-белых тонах, манихейски разделять общество, людей на неравноценные части. Кстати говоря, не случайно двухтысячелетний опыт христианства заставил рассматривать гордыню (тщеславие) как один из семи «смертных грехов». Оказалось, что он не только искажает, делает неадекватным восприятие реальности, но и поощряет бессовестность, зависть, лицемерие, лесть. Иными словами, морально растлевает человеческую личность.

Большинству экстремистов в силу крайне упрощенных воззрений на мир присуща нетерпимость к тем, кто имеет отличную от них точку зрения, думает иначе, способен к всестороннему анализу действительности. Эта нетерпимость очень часто усугубляется и максималистскими идеями защиты и «спасения» своей нации, этноса, религиозной общины. И стремления к полному уничтожению своих противников, врагов, демонические образы которых создаются, в значительной степени, искусственно как повод для проявлений ненависти.

Фанатизм и непререкаемая вера в обладание окончательной истиной, абсолютными ценностями подпитывают и убежденность экстремистов в наличии высокой миссии по защите и спасению Отечества, Родины, народа, нации или режима. В свою очередь, эта убежденность может усиленно крепиться определенными идеологическими постулатами, религиозными догмами и установлениями, верой в превосходство и незыблемость своих культурных и национальных традиций. Если же такая убежденность является лишь декларативной, строится только на эмоциях или материальной заинтересованности, то это отличает от истинных экстремистов случайных и неосведомленных людей, а также наемников, участвующих в деятельности экстремистских групп по корыстным соображениям.

Как показывает опыт изучения проблемы экстремизма, не менее важен для духовно-психологического облика этих людей феномен садизма, обнаруживающий себя в деятельности и террористических актах экстремистских группировок. Один из самых выдающихся исследователей садизма Э. Фромм справедливо подчеркивает: «Садизм (и мазохизм) как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом. Несексуальное садистское поведение проявляется в том, чтобы найти беспомощное и незащищенное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни. Военнопленные, рабы, побежденные враги, дети, больные (особенно умалишенные), те, кто сидят в тюрьмах, незащищенные цветные, собаки – все они были предметом физического садизма, часто включая жесточайшие пытки. Начиная от жестоких зрелищ в Риме и до практики современных полицейских команд, пытки всегда применялись под прикрытием осуществления религиозных или политических целей, иногда же – совершенно открыто, ради увеселения толпы. Римский Колизей – это на самом деле один из величайших памятников человеческого садизма» [8, с. 371-372].

Современный исследователь крайних проявлений экстремизма М.В. Виноградов также считает, что «подавляющее большинство террористов – это прирожденные садисты, но есть и такие, которым садистские тенденции воспитали психотехнологи терроризма. Собственно садизм – есть основная черта, присущая террористам» [2, с. 238].

Вместе с тем, и для многих представителей экстремистских организаций, по тем или иным причинам не использующих террористические методы борьбы, характерны, тем не менее, садистские наклонности. Как считают В. Витюк и С. Эфиров: «Следует иметь в виду, что в становлении и развитии современного терроризма существуют различные ступени. На ранних ступенях формы его насильственной (подчеркнуто нами – Ю. Е. и А. К.) деятельности не всегда выглядят отчетливо как собственно террористические. Нередко развивающаяся в направлении к терроризму экстремистская группировка до поры до времени использует и не террористические (в том числе иногда и не насильственные) формы политической борьбы» [3, с. 223].

Такая вполне естественная эволюция способов экстремистской деятельности, её масштаб и разнообразие формируют, в свою очередь, психологию её участников. Словом, эта динамика генерализации экстремизма позволяет, на наш взгляд, выделить разные категории лиц, причастных к экстремистским сообществам, у которых так или иначе выражены садистские наклонности.

К первой группе можно отнести так называемых «идеологов» и «духовных лидеров» экстремистских сообществ. Сами они редко проливают чужую кровь, для них страдания, боль и смерть других людей – религиозная либо идеологическая абстракция, позволяющая, однако, держать в духовном повиновении население определенных территорий, государств, достигать своих целей в отношении больших человеческих общностей. Отметим, что «идеологов» экстремизма (терроризма) никто, как правило, специально не выращивает, они просто стали такими в силу определенных обстоятельств жизни и личной судьбы. Поэтому и воспринимают они себя такими как есть без всяких угрызений совести и уж, конечно, не считают себя садистами. К тому же этим словом обозначается обычно клиническая психология личности, как правило, простой и заурядной, поэтому к ним она, «без сомнения», никакого отношения иметь не может.

Вторая группа в экстремистских группировках – «управленцы» и «администраторы», т.е. «вожди» более мелкого калибра. Как правило, они неплохие администраторы, разработчики направлений и конкретных мероприятий в деятельности экстремистского сообщества. Относятся к этой группе региональные руководители и специалисты в области вербовки, психологической обработки,

военной подготовки к диверсионным и террористическим актам и т.п. Уровень образования и характер предыдущей «мирной» деятельности у этой категории лидеров весьма различны, как и обстоятельства их жизненного пути, приведшие к политическому экстремизму. Кто-то из них убежденный сторонник тех или иных радикальных взглядов и программ по переустройству общества, созданию новых, лучших якобы оснований человеческого общежития. Высока доля и религиозных фанатиков, действующих ради «великой» цели обретения полноценной жизни в потустороннем мире, приобщения к божественному благословлению.

Поэтому данная категория лиц, как правило, действует без заботы о своей материальной выгоде, хотя есть и такие, кто, прикрываясь светлыми мечтами, «ведёт борьбу» за деньги, порой очень большие. Все они в силу садистских наклонностей сеют страдания, разрушения и смерть в обществе, не признаваясь даже самим себе в том удовольствии, которое получают от причинения боли и ущерба окружающим.

Третья группа – самая многочисленная, она представлена рядовыми участниками, исполнителями террористических актов, подготовленными «боевиками» или просто – «пехотой». В этой группе можно встретить людей с садистскими наклонностями, которые проявлялись у них с раннего детства в издевательствах над животными и сверстниками, в стремлении всякими способами доставить страдания другим людям, ввести их в эмоциональный раздраз. Как правило, подобные садисты, которых в быту иногда называют «сволочью», широко представлены во всех экстремистских и террористических группировках. Очень часто они испытывают наслаждение от своей злонамеренной власти над другими людьми.

Помимо этого, садистские наклонности пробуждаются у участников экстремистских сообществ и при стечении каких-либо жизненных психотравмирующих обстоятельств. И в этом случае садизм служит им как бы «протестом» против ударов судьбы и компенсацией утрат и потерь, которые они понесли. Впрочем, к этой группе лиц могут относиться и вовсе люди случайные, пойманные на чём-то вербовщиками, попавшие в идеологические или религиозные ловушки.

Для оценки духовных особенностей экстремистов важно понимать соотношение в их психике представлений о жизни и смерти. Эрих Фромм раскрыл связь этих

представлений на бессознательном и подсознательном уровнях в анализе злокачественной агрессии, именуемой «некрофилией». «Развитие некрофилии происходит как следствие психической болезни (инвалидности) но корни этой болезни произрастают из глубинных пластов человеческого бытия (из экзистенциальной ситуации). Если человек не может творить и не способен «пробудить» кого-нибудь к жизни, если он не может вырваться из оков своего нарциссизма и постоянно ощущает свою изолированность и никчемность, единственный способ заглушить это невыносимое чувство ничтожества и какой-то «витальной импотенции» – самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения жизни. Для совершения акта вандализма не требуется ни особого старания, ни ума, ни терпения; всё, что нужно разрушителю – это крепкие мускулы, ноги или револьвер...» [8, с. 478].

Словом, клинико-психологические особенности личности экстремиста во многом определяются тем, как он в своей деятельности соприкасается со смертью: участвует или не участвует в террористических актах, убийствах, геноциде, партизанской войне и т.д. Это участие, несомненно, обладает формирующей для личности экстремиста силой, радикально влияет на его психику и сознание. В конечном итоге, дело заходит так далеко, что у него рождается сознательное или бессознательное стремление к смерти – и он начинает разрушать преграды, отделяющие его от неё.

Другими словами, человек вытесняет из своего сознания задачу личного выживания, превращаясь в экстремиста – некрофила, влекомого к смерти и не защищенного от собственной гибели, подчас героической в его глазах. Эти шаги экстремиста к смерти Ю. Антонян описывает следующим образом: «Раз, приблизившись к смерти, такой человек начинает приобретать опыт, который либо осознается и становится основой внутреннего развития, либо не осознается и на уровне личностного смысла определяет поведение, в том числе через потребность вновь и вновь испытать дрожь соприкосновения с тем, что находится за гранью. Наркотическая атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но также и других убийств, не обязательно террористических, например, при участии в военных конфликтах» [1, с. 77].

Свою роль подталкивания к мысли о смерти может играть и соответствующая атрибутика экстремистских организаций, носящая подчеркнута некрофильский характер. Например, известный лозунг – приветствие национал-большевиков Э. Лимонова «Да, смерть!», или стилизованная черная униформа боевиков РНЕ и неофашистов в качестве зримого напоминания о «презрении к смерти». Также и различные варианты «адамовой головы» (череп и скрещенные кости) как атрибуты различных скинхед-групп, объединений неоязычников и т.п.

Еще раз подчеркнём, что экстремисты, которые видят в смерти единственный путь решения различных острых общественных проблем, не испытывают тревоги и страха перед своей возможной гибелью. Многие из них на уровне сознания не вникают в её трагическое, финальное содержание и поэтому могут искать встречи с ней. А перспектива длительного тюремного заключения за свои преступления обычно не присутствует в их сознании, не рассматривается ими как реальная, они даже не задумываются о ней. Только после вынесения обвинительного приговора экстремисты начинают осознавать, что значительную часть или всю жизнь им предстоит провести в местах лишения свободы, в чрезвычайно суровых, парализующих их волю условиях. Поэтому осознание содеянного, личные страдания, связанные с отбытием предстоящего наказания, начинаются для многих из них именно с этого момента.

Рассмотренные нами духовно-психологические особенности личности современного экстремиста дают возможность увидеть её глубоко конфликтогенную природу. Иными словами, она достаточно часто включает в себя определенные стороны и даже субличности, которые конфликтуют и враждуют между собой. В свое время М. Горький в рассказе «Карамора» показал, как главный его персонаж – провокатор Карамора насчитал у себя целых четыре субличности, разобщенные между собой. Одна из них была замкнута в себе, другая – толкала к общению с людьми, третья – судила обеих, а четвертая спряталась где-то в глубине души, молчала и ненавидела всех троих. Провокатор с такими аномалиями в душе называл себя не человеком, а «сворой собак» [4, с. 126].

Глубокие коллизии в личности экстремистов предопределяют то, что какими бы «благородными» мотивами они не руководствовались – их основные цели остаются неизменными и состоят в максимальной дестабилизации социально-политического

положения различных регионов, стран и народов. И, конечно, созданию таких конфликтных ситуаций, которые бы наибольшим образом дискредитировали сложившийся общественный уклад жизни, органы власти и управления в том или ином государстве. Только такие ситуации, по представлениям идеологов и организаторов экстремистской деятельности, могут вести к разрушению «старого мира» и реализации их радикальных проектов, к торжеству «абсолютной справедливости и свободы».

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008.
2. Виноградов М.В. Терроризм: психологический портрет. // Терроризм. Правовые аспекты борьбы / Отв. Ред. И.Л. Трунов. М., 2005.
3. Витюк В.В., Эфилов С.А. Левый терроризм на Западе: История и современность. М., 1987.
4. Горький М. Собр. Соч. 2-е изд. М.; Л., 1933. Т. 21.
5. Дольник В. Естественная история власти. // «Знание – сила», 1994, №11.
6. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М., 2013.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.-Минск, 2007.
10. Taylor M. The Terrorist. L – N.Y., 1988.